

Е.П. Педчак

### «Я не знаю мудрости...»

Константин Бальмонт внес в русскую поэзию и тематическую новизну, и новую интенсивность восприятия, и новую рефлексию:

...В каждой мимолетности вижу я миры,  
Полные изменчивой радужной игры.

Романтическая созерцательность, мягкость тонов, подчеркнутая музыкальность — все это располагало в пользу новых веяний в искусстве:

Не кляните мудрые. Что вам до меня?  
Я ведь только облачко, полное огня.  
Я ведь только облачко. Видите: плыву.  
Я зову мечтателей... Вас я не зову!

Все богатство импрессионистических мгновений объединяется стихийностью каждого из них, или, как писал Брюсов, в «стихийном порыве».

Некоторые воспринимали идею этого стихотворения как проповедь нового понимания жизни. Однако новизна состояла в воскрешении максим древней мудрости, чьи заветы противоречили современному фрагментарному сознанию.

Но эта мудрость только на мгновение:

Я не знаю мудрости, годной для других,  
Только мимолетности я влагаю в стих.  
В каждой мимолетности вижу я миры,  
Полные изменчивой радужной игры.

Однако стихотворение покоряет сегодняшнего читателя главным образом не своей идеей, а чарующей пластикой, музыкальностью, которая создается волнообразным движением интонационных подъемов и спадов (вы, конечно же, обратили внимание на постоянные повторы фраз, точные и варьирующиеся), трепетными переливами звуковой структуры (особую нагрузку несут сонорные [р], [м]), наконец, завораживающим ритмом четырехстопного анапеста.